

oczywiste, by mogło pozostać bez komentarza filologicznego, filozoficznego, a również w jakimś sensie teologicznego, gdyż do takich sfer odwołują się poeci, tworząc obrazy przesycone bogatą symboliką i wieloma kontekstami do tekstów kultury.

Referat nie będzie miał raczej ambicji do tego, by ujednoczyć, zrównać czy uprościć delikatne i ulotne, często jedynie przeczuwane – aluzje do wolności jako problemu poezji obojga artystów, ale zamierza wskazać różnorodność, wielość, odmienność spojrzeń poetów na ów temat-wyzwanie.

Е.В. Крикливец (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ТРАДИЦИИ ПОЧВЕННОЧЕСТВА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО)

Сравнительно-типологическое изучение восточнославянских литератур (в частности, русской и белорусской), активно развивающееся в последней трети XX века, не утратило своей приоритетности и сегодня. Об этом свидетельствуют работы как русских ученых (Ю.А. Лабунцев, Г.В. Стадников, М.Н. Сперанский, Л.Л. Щавинская и др.), так и белорусских (А.Н. Андреев, В.В. Ивашин, Т.П. Казакова, М.А. Лазарук, Т.Н. Мельникова, В.П. Рагойша, М.А. Тычина, И.А. Черота, др.).

В центре внимания нашего исследования – сравнительный анализ художественной прозы В. Астафьева и В. Козько. Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников.

Цель исследования – выявить специфику бытования традиций почвенничества в русской и белорусской прозе второй половины XX века на примере творчества В. Астафьева и В. Козько.

Почвенничество как литературно-общественное направление зародилось в России в 60-е годы XIX века и было связано с отражением исканий пути развития России в условиях социального перелома после крестьянской реформы 1861 года. В 60-е – 80-е годы XX века хранительницей русского наследия оказалась та часть советской литературы, которую принято называть «деревенской прозой». Следует отметить, что в белорусском литературоведении отсутствуют понятия «почвенничество» и «деревенская проза» (для обозначения течения в литературе). Однако нам представляется возможным говорить о том, что мировоззренческие и эстетические установки ряда белорусских писателей (Б. Саченко, И. Пташникова, В. Адамчика, В. Козько, В. Карамазова и др.) в 1960-е – 1980-е годы коррелируют с идеями почвенничества, возродившимися в «деревенской прозе». Основным достижением данного литературного течения, на наш взгляд, можно считать то, что и русские и белорусские писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать глубинные истоки национальной жизни. Творческий интерес писателей вызывает не советский характер, а национальный характер, не советская культура, а национальная культура; авторы проявляют стремление обнаружить в патриархальном укладе народной жизни нравственную сущность национального характера. В произведениях звучит мотив истоков, появляются образы-символы почвы и малой родины, человек изображается в неразрывной связи с природой. Деревня предстает как своего рода «заповедник» нравственности и чистоты, в то время как город представляется средоточием пороков.

Эти тенденции в полной мере характерны для творчества В. Астафьева и В. Козько 1960-х – 1980-х годов. В прозе писателей можно выделить два противопоставленных

друг другу хронотопа – деревенский и городской. «Деревенскому хронотопу соответствует определенный тип персонажа – с устойчивой системой нравственных ценностей, особым душевным равновесием и внутренней гармонией...» [2; 115–117]. Деревенский хронотоп, антонимичный городскому, присутствует в произведениях В. Астафьева «вологдского периода» его жизни («Последний поклон», «Царь-рыба», «Ода русскому огороду»). Для данного этапа характерно самоотождествление писателя с «деревенской прозой» (В. Белов, Ф. Абрамов, Б. Можаяев, В. Шукшин и др.). С точки зрения П.А. Гончарова, в это время В. Астафьев, «благодаря оригинальным и своеобразным литературным произведениям, не только не теряет свое лицо, но становится одним из наиболее ярких “деревенщиков”» [1; 15]. В прозе В. Козько деревенский хронотоп изоморфен хронотопу Полесья и резко противопоставлен при этом хронотопу города. Логично предположить, что белорусский прозаик, создавая свои этапные произведения в конце 70-х – 80-е гг. XX века, как и его современники – И. Пташников, В. Адамчик, – вступил в определенный диалог с «деревенской прозой», тем более, что в его творчестве присутствует свойственное данному течению «осознание опасности, которой может обернуться для человека разрыв с деревней, со своим родом» [2; 117]. Для деревенского хронотопа в творчестве обоих авторов характерно идиллическое описание народной жизни, подчиненной законам природы, многовековым традициям крестьянского «клада».

Принципиально иным видится хронотоп города. Личность, потерявшая связь с корнями, оказываясь в городе, деградирует (так происходит с Евменом Ярыгой в повести «Цвіце на Палессі груша», с Матвеем Ровдой в романе «Неруш» В. Козько); герои, являющиеся «порождением» городского хронотопа (Гога Герцев, Эля из «Царь-рыбы» В. Астафьева), очевидно проигрывают в сравнении с деревенскими жителями. Технократическая цивилизация грозит разрушением не только окружающей природе, патриархальному укладу жизни, но и духовным основам, превращая человека из создателя в потребителя.

Писатели-почвенники 60-х – 80-х гг. XX века осознают потребность в гуманизации общества и восстановлении национальной самобытности (в противовес урбанизации, технократическим и природопользовательским проектам). Крестьянский уклад жизни воплощает идеальную модель существования человека, мыслится залогом возрождения национальной идеи, национальной культуры. Следовательно, творчество В. Астафьева и В. Козько этого периода вписывается в эстетическую парадигму неопочвенничества, поскольку обоим писателям свойственна идеализация деревенской жизни, в то время как город представляется пространством тяжелых жизненных испытаний и растления.

Встает вопрос об идентичности деревенского хронотопа хронотопу Сибири, нередко выделяемому в прозе В. Астафьева. На наш взгляд, хронотоп Сибири категория более универсальная, присутствующая во всех произведениях писателя и включающая в себя как деревенский, так и противопоставленный ему городской хронотоп, что позволяет ученым говорить о «сибирском тексте» в прозе В. Астафьева [3]. Жизнь сибиряков, подчиненная крестьянскому укладу, наделяется семантикой дома; противопоставленное патриархальному миру пространство Сибири, населенное браконьерами, людьми, жаждущими «фарта», городская действительность проверяют на прочность нравственные устои героев В. Астафьева.

Можно утверждать, что обращение к традициям почвенничества обусловило ключевой этап эволюции образа главного героя в прозе писателей. Так, в ранних произведениях В. Астафьева и В. Козько преобладает автобиографический герой, повторяющий основные вехи жизни прозаиков («Крошка», «Перевал», «Где-то гремит война» и др.; «Високосный год», «Повесть о бесприютной любви»). Думается, что именно автобиографический характер ранних произведений помог В. Астафьеву и В. Козько преодолеть схематизм канонов соцреализма и в 1960-е – 1980-е гг. вступить в диалог с «деревенской прозой». В этот пе-

риод в творчестве обоих писателей остро встает вопрос о сущности национального характера, его духовной, нравственной основе.

В «Последнем поклоне», «Царь-рыбе» В. Астафьева воплощением русского национального характера (а точнее, его противоречивости, двойственности) становятся образы сибиряков. Сибирская деревня, занятая преимущественно таежным промыслом, представлена как крестьянами-земледельцами (дед Илья), «естественными людьми» (Аким), так и браконьерами, спецпереселенцами, людьми, ищущими легких денег (отец Вити Потылицына, дед Павел, дядя Левонтий). Размышления о двойственности, неоднозначности русского национального характера нашли продолжение в «Печальном детективе», где с образами преступников соседствует образ пожилой женщины, жалеющей своих насильников. Национальный характер белоруса В. Козько стремится постичь через своих героев-полешуков, живущих в тесной связи с родной «почвой», ощущающих личную ответственность за землю отцов. Эта связь проверяется на прочность искушениями городской цивилизации («Цвіце на Палессі груша», «Неруш»). Однако ключевым для героев В. Козько становится не «отступничество», а осознания вины и попытка найти путь исправления (возвращения к изначальной гармонии).

«Сакральными» героями поздних произведений В. Астафьева становятся те, кому удалось, пройдя по пути испытаний, приблизиться к постижению истины (Леонид Сошин), совершить духовное восхождение (герои романа «Прокляты и убиты»), в противном случае, герой, не отыскавший духовной опоры, идет по пути деградации. Тем самым «сглаживаются» противоречия второго периода. В произведениях В. Козько, созданных на рубеже XX–XXI веков, герои, совершившие «трехпадение» и осознавшие свою вину, как бы участвуют в акте космогонии: писатель возвращает их в мифологизированное «правремя» («Бунт незапатрабаванага праху», «Прахожы»), то есть «лучшие» герои В. Козько реализуются не в контексте будущего, а в контексте прошлого.

Таким образом, изображение трагического отрыва человека от родных корней, от народной почвы, попытка постижения сущности русского и белорусского национального характеров позволили таким писателям, как В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, В. Астафьев, И. Пташников, В. Адамчик, В. Козько и др. преодолеть каноны соцреалистического метода и вернуться к традициям классического реалистического искусства. Благодаря чему, с конца 1980-х гг. творчество В. Астафьева усваивает и обогащает парадигму русского реализма. В. Козько, не смотря на преобладающую реалистическую направленность своего творчества 1970-х–1980-х гг., уже в этот период начинает активно использовать неомифологические приемы, что свидетельствует о воздействии на художественную систему белорусского писателя модернистских тенденций. Это особенно ярко проявилось в прозе В. Козько 199-х гг. Следовательно, возвращение к идеям почвенничества в 1960-е–1980-е гг. стало одним из этапов смены эстетических парадигм в литературе второй половины XX века: от соцреализма к классическому реализму и постмодернизму.

Литература

1. Гончаров, П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / П.А. Гончаров. – Тамбов, 2004. – 234 л.
2. Новожеева, И.В. Архетип деревенского дома в произведениях Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина / И.В. Новожеева // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19-20 ноября 2009 г. : в 2 ч. / отв. редактор Г.Ю. Карпенко. – Самара : Издательство «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – С. 114–118.
3. Разуvalова, А.И. «Сибирский текст» в прозе В.П. Астафьева (к постановке проблемы) / А.И. Разуvalова // «Сибирский текст» в национальном сюжетном пространстве : коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2010. – С. 201–223.